АНЕЧКА!

АСЯ ШЕВ
Критик, обозреватель.

Пока дверь странно и страшно трещала под ударами и раскатистый мат бился в стены той, все еще задверной, стороны, в Алькиной голове дурашливо завывал приятель Игорек, с которым они виделись накануне Большого дорожного приключения:

– Заклинаю тебя, Александра! Не ездий туда, это же Сайлент Хилл, я до знакомства с тобой тридцать семь лет молодой жизни там чалился, я знаю наверняка. А ты молодая и не знаешь. Не ездий, Александра, не ездий.

Игорек заткнулся, его перебило надрывное женское откуда-то снизу:

– АНЕЧКА! АНЕЧКА!

Удары и мат на мгновение прекратились, Алька еще сильнее вжалась в угол между шершавой стеной и чугунным радиатором с облупившейся краской и вдруг сама себе запела шепотом:

– Анечка-а-а-а просила снять маечки-и-и-и… Анечка-а-а-а… – Забыв, что там дальше, Алька беззвучно заплакала под возобновившиеся женские крики, мужской мат и бесполые удары безвольного тела о дверь в ее, Алькин, гостиничный номер.

* * *

Алька приезжать на малую родину не любила. Особенно зимой. Зимой здесь вместо разомлевших от густой жары туристов всюду гулял ветер, после которого всегда было ощущение, будто тебя отхлестали по щекам мокрой тряпкой. Из-за этих слонявшихся по улочкам приезжих экономкласса, как их называла Алькина бабушка, и вечного проклятого ветра родное побережье в Алькином воображении было похоже на примятую желтую пачку со слоном (тот самый чай!) и пахло так же – распаренным веником (тот самый вкус!).

Но тетке срочно требовалась очередная Алькина подпись, заверяющая все официальные и неофициальные органы в том, что она, Алька, не претендует на бабушкин домик в 30 км от города. Тогда же друзья, никогда не видевшие рождественские подснежники, вдруг решили провести выходные на юге, а потом, подхватив Альку, вернуться домой. Алька считала блажью переться за полторы тыщи километров только затем, чтобы из рыхловатой снегопадной зимы влететь по платной трассе в вечное волглое межсезонье, увидеть на газонах изумрудные стрелки с крошечными, как жемчужные луковки, головками и снова пилить в столицу. Но выросшие в сугробах друзья Алькину любовь к зимнему Замоскворечью не разделяли, а о январских подснежниках только у Маршака и в Алькиной же «телеге» читали каждый год и были уверены, что где-то она привирает.

Она не врала. Друзья набирали южные впечатления: подснежники и другие диковины, на вопрос о которых Алька фыркала: «Не знаю, растения какая-то», общительных до наглости чаек и вальяжных ничейных котов, спавших на перфорированных коготками вездесущих голубей чехольных спинах машин. Они коллекционировали скользковатые мокрые причалы, пахнущее изюмом и ржаной коркой крепленое вино на каждом углу и подвяленный девичий виноград на жилистых лозах, прижимавшихся к неожиданно не кирпичным, как на материке, а каменным домам. А Алька считала часы до отъезда, вяло бодалась с теткой и пряталась от знакомых. Ей ни с кем не хотелось встречаться, чтобы не выслушивать очередное «Ничего не добился, да и не очень старался». Потому что ее история звучала бы точно так же. Разве что с особым столичным выговором.

Не слишком ранним утром, часов за пять до отъезда, Алька вышла из подъезда дома, в котором выросла, прислонилась лбом к холодной решетке и закрыла глаза. Вот и все: от бабушки Альке осталась пара кулинарных книг – под эгидой Микояна и в редакции Кенгиса, конечно. От самой Альки скоро здесь останется только пара подписей в бумагах и забытый шарф под теткиной банкеткой – возвращаться за ним не хотелось, хотя Алька его любила и считала, что старенький ноунейм, купленный в питерском переходе лет 15 назад, приносит удачу и якорит дзен. Но теперь Альке удача и дзен были не нужны – свобода!

Алька приготовилась длинно и с наслаждением выдохнуть, как после йоги, но подавилась вдохом, когда на ее плечо опустилась тяжелая рука, а в ухо посыпалось непередаваемо южное, гладкое и округлое, как обкатанное морской водой стеклышко:

– Ты ба! Александра! Прилетела и не сообщила! А я зна-а-а-а-ал! Я чувствовал приближение, я слышал цокот твоего серебряного копытца – сердце не обманешь. Идем, идем же, душа моя, будем вкушать молодые кислые вина и разговаривать за жизнь!

Никакие вина они, конечно, не стали вкушать. Почему-то застрявший в Алькиной жизни бывший муж ее соседки-одноклассницы (господи, да все здесь друг другу соседи!), приятель Игорек поволок Альку в нестерпимо новое хипстерское и по-утреннему пустотелое заведение, построенное на месте, где раньше десятками лет стоял двухэтажный общественный туалет. Оттаявшая после встречи с теткой и предвкушавшая скорое отбытие Алька с веселым восторгом читала вслух перечень рафов и бамблов. В промежутках она резвилась, интересуясь, почему не привязали нейминг к истории – могли бы привлекать автохтонов постарше: они бы оценили остроумный и бережный подход к краеведению. Двухметровый грузный Игорек всем своим конопатым лепреконским лицом и даже немного ушами, покрытыми имбирным пушком, ласково улыбался напуганному Алькой бариста. Дождавшись, когда та иссякнет, Игорек заказал два латте без всего – Альке, американо себе и по эклеру им обоим. А затем усадил Альку лицом к окну за стол, почему-то состоящий из круглой, чуть вдавленной в центре пластиковой столешницы и нижней части старинной швейной машинки с ножным приводом.

Алька, выпив практически залпом первый кофе и приготовившись тянуть по глотку второй, в очередной раз дежурно удивилась, как хорошо Игорек знал ее привычки. А он попросил бариста «притушить ностальгию» (утреннее радио половодно разливалось в зал хитами начала 2000-х) и, подперев небритую щеку пролетарским кулаком, приготовился ее слушать.

И она рассказала: о внезапном приезде и о том, как не дали попрощаться с бабушкиным домом, как тихонько вынесла под мешковатым платьем-свитером Микояна и Кенгиса (как-как: за пояс колготок засунула, что ты ржешь!); как мечтает вернуться в любимый город и остаток выходных гулять (до опупения, до опухших лодыжек, клянусь!) от Китай-города до сада имени Баумана, а по дороге заходить в каждую кафешку со странным названием, даже в шаурмячные и чебуречные; как перед этим будет ехать полторы тыщи кэмэ с друзьями (ну да, любимыми, но двое суток, Игорек, двое с гаком суток клювик к клювику!), как…

– Погоди, а чего так долго? Где-то остановитесь?

– Угу, недалеко от твоего родового гнезда. Они хотят знаменитые рельсы на пляже глянуть, не верили, как про подснежники…

И вот в этом самом месте Игорек загудел, как мартовский ветер в трубу:

– Заклинаю тебя, Александра! Не ездий туда, это же Сайлент Хилл, я до знакомства с тобой тридцать семь лет молодой жизни там чалился, я знаю наверняка. А ты молодая и не знаешь. Не ездий, Александра, не ездий.

Она захохотала, а Игорь вдруг накрыл ее ладошку своей и чуть придавил к столу. Расслаб-

ленная Алька сжалась, сбилась с благостной волны, осторожно вытащила руку из-под его большой горячей ладони – он не останавливал – и неловко засобиралась, скомкав разговор, как салфетку:

– Ладно, Игорек, я пойду, мне на тот берег еще, ребята машину на Северной оставили, чтобы не в объезд.
– Саш. – Они были знакомы лет десять и виделись пару раз в год, общаясь в основном в интернете, и он всегда называл ее только Александрой. – Сашка, ты ведь не вернешься уже, да?

Алька очень внимательно посмотрела на Игорька, который для нее всегда был Игорьком, а для студентов мутноватого дизайнерского колледжа, где он подвизался кем-то вроде проректора, – Игорем Валерьевичем, сорокатрехлетним занудой и немного гением:

– Ты всегда можешь прилететь ко мне, покажу тебе любимые забегаловки и галереи.

Он ухмыльнулся и отрицательно помотал лохматой, как у портового пса, башкой, словно вытряхивая из нее и дурацкое предложение, и Алькиного мужа, которого они оба всегда в разговорах огибали, словно волнорез прибоем. И Альку вытряхнул. Та буркнула: «Ну, как знаешь» – и направилась к выходу, а Игорек так и остался за столом-машинкой. Выходя из кофейни, Алька обернулась: он смотрел в окно, заставленное щербатыми кофейными кружками с растущими в них крошечными суккулентами, и давил ногой на пластину привода в такт словам, которые вдруг снова освобожденно полились из колонок:

– Ты – белый и светлый, я – я темная, теплая, ты плачешь – не видит никто, а я – я комкаю стекла, дура! Анечка-а-а просила снять маечки-и-и…

* * *

– АНЕЧКА! АНЕЧКА!

Алька почувствовала, как коротко вжикнул телефон, который она прижала обеими ладошками к пижамной груди: это Машка писала со своего первого этажа.

«Альк чо там ваще Альк ты живая кого убивают боюсь звонить вдруг тебя убивают Альк».

«Я сижу в углу. Меня пока не убивают, но дверь скоро лопнет. Как в Сиянии с Николсоном».

Тем временем удары в дверь прекратились, женщина тоже затихла и, судя по звукам, торопливо сбежала по лестнице. Алька напряженно вслушивалась. Буянивший мужик, похоже, тоже пошел вниз, а та, кого он метелил в коридоре и затем швырял в Алькину дверь, до сих пор не издавала ни звука. Алька, заливаясь слезами и пóтом, пыталась понять: бросил он Анечку у ее номера или поволок с собой.

Вж-ж-ж-ж.

«Альк чо тихо так теперь. Тетька звонит куда-то, но не ментам. Падажди он пришел. А не. Уходит».

«А Илья где?»

«Спит в берушах и маске. Бревно. Ну и устал же. Но я не будила его, пока не пойму чокак. Нам же завтра ехать весь день».

«Сегодня».

«???»

«Ехать сегодня. Половина второго уже».

«Альк, ты есичо сможешь со второго этажа к нам через окно? По простыне, там, по пожарной лестнице?»

Алька, тихо кряхтя и охая, выпрямилась: тело мгновенно взорвалось болью, оказалось, она так скукожилась в этом своем углу, что ее чуть не парализовало от страха – «заизвестковало», как сказала бы бабушка. Алька осторожно отодвинула тяжелую, пахнущую влажной пылью плюшевую портьеру, чтобы выглянуть в окно, и шепотом выругалась: на окне была выпуклая узорчатая решетка в псевдоарабском стиле.

Алька совсем забыла, что гостиничка, в которой они заночевали, лучшая в родном городе Игорька, – находится в историческом центре и сама историческая. Дом со следами дореволюционного купеческого шика: лепнина, высоченные потолки, окна с решетками, как в турецких, что ли, сериалах, чугунное кружево с грифонами и завитками на въезде, толстенные внешние стены речного камня и тонкий внутренний гипсокартон – чтобы сделать много номеров из пары просторных квартир, в свою очередь разбитых в залах старинного по местным, все еще послевоенным, меркам особнячка.

Алька начала напрягаться, еще не заселившись. Они со щебечущей Машей и уставшим от долгого сидения за рулем Ильей оставили машину на улице, прошли через кружевные ворота во внутренний дворик с непременными лебедями из покрышек и почему-то увитой искусственным плющом гипсовой репликой Венеры Милосской. К стальной двери единственного подъезда, прямо под глазком, был прилеплен лист А4 с надписью от руки: «Апартамент-Отель Арабеска Welkome!» Маша прошипела Альке:

– Не смей исправлять!

И Алька сделала вид, что просто так роется в рюкзаке, а не в поисках ручки. Кнопки звонка не было. В подрагивающем свете нескольких фонарей Маша попыталась сфотографировать мокнущих под мелко сеющим дождем лебедей. Илья решительно дернул дверь за ручку, и они втроем шагнули в крошечное помещение со стойкой ресепшена. За стойкой сидела неопределенного возраста корпулентная дама в ярком шелковом халате с драконами и – бабушка бы сказала «газовой» – полупрозрачной косынке, прикрывающей крупные бигуди. Дама держала на отлете огромную красную кружку в белый горошек и смотрела телевизор, висящий под потолком напротив стойки. Там, видимо, показывали что-то очень переживательное: были слышны звуки погони, выстрелы, замаскированный писком мат и женский визг. Дама неохотно перевела взгляд на Альку, Машу и Илью, вставших прямо под телевизором. Перекрикивая фильм, она раздраженно спросила:

– Вы по какому вопросу, товарищи?

Маша прыснула, Алька уже собиралась ответить в тон, но ее опередил Илья:

– Добрый вечер, мы номер бронировали до утра. Выедем часов в пять.

Дама задумчиво посмотрела на кружку, над которой поднимался плотный ароматный пар. Алька, как кролик, поводила носом и поняла вдруг, что дама пьет популярный на Алькиной родине «адмиральский чай» – заварку, разбавленную кипятком пополам с коньяком.

– Бронировали, значит? Я на самом деле просто здесь не работаю, забежала по-соседски из прокуратуры, видели белый такой красивый дом через дорогу? Я там типа сторожа по выходным. Анечка вообще позже будет, задерживается уже дня три – праздники же. А горничная не знаю где. Но давайте оформлю. На чье имя бронь? И, это, я не умею эту ихнюю машинку включать, давайте наличные.

Она со сложным выражением гладкого и вдруг неожиданно помолодевшего лица понюхала пар, поставила кружку со своей стороны стойки, поклацала компьютерной мышкой, повернулась к принтеру, распечатала какие-то бланки и протянула их Илье, определив в нем старшего. Маша и Алька наблюдали, как Илья, похожий на сенбернара-подростка, растерянно обернулся к жене, которая обычно брала на себя все коммуникации, но Маша подбадривающе кивнула ему и демонстративно отвернулась к разрывающемуся воплями телевизору. Илья перевел вопросительный взгляд на Альку, но та уже тыкала в экран смартфона, сообщая оставшемуся в Москве мужу: «Все ок, ночуем в Сайлент Хилле». Илья шумно вздохнул, тяжело облокотился на стойку и стал заполнять бумаги. Дама погладила кружку сожалеющим взглядом и наконец выключила звук боевика, уставившись в компьютер:

– Так… нашла! У вас тут два номера: двухкойковый на первом этаже и однокойковый на втором. Кто куда?

Алька подняла руку:

– Я на втором.

Дама кивнула и протянула ей ключ с огромным металлическим брелоком, похожим на шишку, какими украшали столбики старых кроватей – такая, с панцирной сеткой, стояла в бабушкином доме. Алька удивленно хмыкнула – сто лет уже в гостиницах не было таких ключей, и дама ответила на невысказанный вопрос:

– Коммуниздят только вперед! Вот, придумали ноу-хау, так сказать.

Алька подумала, что такой артефакт она бы как раз и скоммуниздила бы, но благоразумно промолчала.

– А мне ключ? – Машка сжалилась над Ильей и уже все быстро заполнила, пока он искал по всем карманам наличные для оплаты.

Получив стопку разномастных купюр, дама медленно пересчитала их, затем повела огромной косыночной головой и, минуя Машкину руку, протянула Илье ключ с другим брелоком, двоюродным братом Алькиного, таким же уродливым и огромным. Сканируя Илью специальным *женским*, как определила про себя Алька, взглядом, она сказала сразу всем:

– Будете уезжать, Анечка тут будет. Ну или оставите на стойке, если не сможете растолкать. Гулять уходите? Сказать, где повечéрить, надо?

Ребята вразнобой поблагодарили и отказались: весь этот теплый солнечный день они то останавливались у моря, то поднимались в горы. Они разыскали тот самый пляж, где укладывались между старыми ржавыми рельсами, действительно проложенными прямо по гальке, – много фотографировались в картинных позах и смеялись, громко пели, пока Илья вел машину, и, конечно, все ужасно устали, хотя были в отличном настроении. Даже Алька, которая сегодня смотрела на нелюбимые с детства места взглядом восторженного северного туриста и они ей немного

нравились: и гулкие гроты, и галечные пляжи с полуразрушенными штормами деревянными причалами, и покатые горы, покрытые желтой пылью и полупрозрачными сухими травами, и развалины крепости, и ветряки на горизонте. Ей даже нравилась погода, начавшая стремительно портиться на подъезде к городу: задул типичный зимний ветер и зарядил ледяной даже в +13 дождь, от которого при таком ветре никакой зонт не укроет. Даже эта смешная тетка в бигуди и с остывшим алкочаем Альке нравилась. Большое дорожное приключение обернулось приятной и веселой поездкой – почти как в студенческие годы, но все было чуть иначе. Теперь можно было не ночевать в палатке на берегу, а потратить деньги на гостиницу. Пусть и такую странную. Правда, лучшую в городе. *Историческую*, как было особо выделено в карточке апарт-отеля в интернете. Алька тепло улыбнулась даме, махнула ребятам и завернула за угол, чтобы подняться в номер по лестнице, которая была покрыта красной дорожкой, явно притащенной из какого-то казенного заведения («Ском-му-низ-ден-ной», – преодолев пять, по числу слогов, ступеней, повторила Алька смешное слово).

В номере она позвонила мужу, рассказала, как все прошло, послушала, чем занимался он, получивший пять драгоценных дней, в течение которых можно было ностальгически сидеть с пацанами и рубиться по сетке в линейку, как когда-то, в позапрошлой жизни, перед сессиями. Алька хмыкнула, подумав, что вот так бабушка напоследок устроила им обоим хождение в юность. Затем сползала в душ, там, отчаянно зевая, переоделась в пижаму с белками-летягами и уже не помнила, как рухнула на продавленную гостиничную кровать и провалилась в сон. Ей снился Зеленый театр и концерт когда-то любимой, а потом как-то отложенной в дальний угол, вместе со старой одеждой и дневниками, певицы; муж образца того же года – с дурацким хвостиком и в дурацкой рубашке, Алька тогда еще подумала, что никогда не будет встречаться с таким обсосом, и во сне об этом помнила. Игорек тоже снился – он что-то строчил на старинном «зингере», качал лепреконовой шевелюрой в такт ножному приводу и улыбался желтыми, как у кота, глазами. А потом в Алькину дверь ударил снаряд человеческого тела, и ее безжалостно выдернуло из сна.

Анечка, которую избивал бесноватый мужик, молчала. Алька ужасно боялась, что та уже потеряла сознание или даже умерла. Поначалу Алька думала, что уж она, Алька, точно бы не далась, точно бы отбивалась и кричала, царапалась, как кошка, и вопила, как макака, даром что серьезный тридцатипятилетний аналитик и начальник отдела. Но через несколько минут Алька поняла, что сидит в своем углу между стенкой и радиатором мокрая, как мышь, и окаменевшая, как горгулья. И даже в полицию не позвонила, хотя дверь вот-вот сдастся, как сдалась неведомая Анечка. Как уже сдалась Алька. Как сдалась и тихо ушла бабушка год назад – вслед за дедушкой, не выдержав этой поганой одинокой жизни. А ведь бабушка никогда не сдавалась. И бабушка бы знала, на какой они улице и как звонить в полицию в чужом городе. Да бабушка не поперлась бы ни в какое Большое дорожное путешествие.

За дверью послышались женские голоса – ударившаяся в неистовое жаление себя Алька не заметила, как кто-то подошел к ее номеру.

– Ментам не звони, не надо, она сама виновата: керогазила где-то с тридцатого, на работу почти не выходила, надеялась, что он не заметит, что ли?

Второй голос принадлежал давешней даме с ресепшена:

– Да это понятно, но он дверь попортил вон и шкаф коридорный сломал: порча имущества как есть. На Анечку повесят. Куда он ее повез, не знаешь?
– Хэзэ, куда. Не в сосны же – он же на УДО. Да че Анечку, вон москалики пусть заплатят утром. Скажем обе, что видели, как бухие в жопу вернулись, Артурик подтвердит, что у него весь вечер догонялись.

Алька от возмущения снова распрямилась, больно ударилась локтем о радиатор и, зажмурившись от резкой боли, села обратно, а тетки продолжали:

– …Анечка так делала, когда он в ее смену приходил и буйствовал. Туристы ни хрена не помнили и платили. А командированные не связывались, чо им. Не пропусти их утром только. Слышь? Я тут пока уберусь, вон кровищи натекло, бляха-муха, опять ковролин уделала, лучше б блевала, ей-богу.

Голоса удалились. Переполненная возмущением Алька, потирая ушибленный локоть, пересела на кровать и начала думать тяжелую и какую-то пыльную, как портьера в ее номере, мысль о том, почему молчала Анечка, почему «керогазила» и не уходила от мужика, который мог отвезти ее в «сосны». Еще от Игорька Алька давно слышала

местную байку о том, что в узенькой хвойной лесополосе за городом в 90-е корни деревьев прорастали через криминальные трупы, буквально слоями прикопанные в худую насыпь земли с материка: на своей, пропитанной кровью и нашпигованной осколками, с войны еще ничего не росло. Потом Алька думала о матери, которая тоже вот так «керогазила», а потом лежала с отбитыми почками, и о ее двоюродной сестре, живущей в материной квартире с их одним на двоих мужем – отцом Алька не называла его лет с десяти, на похороны так и не приехала, впрочем, как и на материны. Алька думала и о том, что было бы с ней, не забери ее к себе бабушка и не вытолкни буквально в спину из дома в московскую учебу. Алька тогда долго обижалась. Потом перестала, конечно.

Отброшенный в сторону телефон некоторое время вжикал, затем затих. А Алька все сидела и думала часов до пяти, потом встала, натянула пуховик прямо на пижаму, сунула скомканные свитер и джинсы в рюкзак, а ноги в ботинки и спустилась по лестнице, которая, казалось, в общей обшарпанности ничуть не изменилась с ночи. Внизу стояла Маша и по-птичьи таращилась красными от недосыпа и перепуга глазами, Илья был собран и невозмутим. Маша, наоборот, повозмущалась, что Алька не писала в чат, потом страшным шепотом сообщила, что проспавший ночное происшествие муж ей не верил, пока не увидел в углу ведро с розовой пеной, а около него – тряпку с пятнами крови, вроде женскую блузку с фестонами.

Кроме них, в гостинице, кажется, никого не было. Они постояли некоторое время, затем Илья хмыкнул и сказал:

– Ну че, идем?

Прикрыв за собой дверь (листа с надписью уже не было), они вышли в промозглое утро, пересекли дворик и увидели, что чугунные ворота, за которыми на улице стояла их машина, заперты – на них висела массивная цепь с замкнутым амбарным замком. Алька вспомнила ночной разговор бигудевой дамы и вернувшейся горничной.

– Ребят, это они нас заперли, чтобы мы ущерб оплатили. Я слышала ночью.

Маша по-детски охнула и прикрыла рот ладошкой. Немногословный Илья снова хмыкнул, развернулся и пошел внутрь двора. Вернулся он с внушительной связкой разнобойных ключей, четвертый или пятый подошел к замку. Илья выпустил Машу и Альку, вышел сам, а затем запер ворота изнутри, бросив связку на землю со стороны двора. Маша приглушенно спросила:

– Дурак! А отпечатки стереть?

– Сама дурак, – беззлобно отозвался муж, – а в номере и холле ты их стерла? То-то же. Садитесь в машину, и поехали уже. А то прокуратура напротив вон. А там… типа сторож.

Они уже сидели в салоне. Илья разогревал старенький «Форд» по имени Михаил, которому требовалось время на раздумья, когда Алька вдруг вытащила из кармана на сиденье забытый после новогодней ночи здоровенный картонный цилиндр, обернутый фольгой, и, пробормотав: «Мне надо, я ща!», выскочила из машины. Снаружи она дернула за шпагат в донышке хлопушки, и, кажется, вздрогнула вся сонная пустая улица вместе с белым ребристым зданием прокуратуры и самой исторической гостиницей в городе. Под Машины вопли Алька юркнула в салон, и Михаил вдруг рванул с места так резво, как никогда в его железной жизни. Потянулся ртутный зимний дождь, который прекратился лишь за городом, когда они проезжали мимо «сосен», и Альке все казалось, что она видела перекопанную землю под одним из деревьев.